

УЛЬЯ НОВА

МАХАОН –
ПАРУСНИК

Часть сборника: Странная женщина (сборник)

Улья Нова

Махаон – парусник

«ЭКСМО»

2017

Нова У.

Махаон – парусник / У. Нова — «Эксмо», 2017

«За неделю до разрыва с Никитой она задумалась так глубоко, что нечаянно прошла сквозь витрину в торговом комплексе на Манежной площади. Это было новое тревожное ощущение – пройти сквозь стекло. В каждой клеточке тела осталась тягостная боль-предчувствие. Тогда она сдалась и признала: расставание неизбежно...»

© Нова У., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Потерявшая имя	5
Лиля	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Улья Нова

Махаон – парусник

Потерявшая имя

За неделю до разрыва с Никитой она задумалась так глубоко, что нечаянно прошла сквозь витрину в торговом комплексе на Манежной площади. Это было новое тревожное ощущение – пройти сквозь стекло. В каждой клеточке тела осталась тягостная боль-предчувствие. Тогда она сдалась и признала: расставание неизбежно.

За два дня до разрыва с Никитой она полночи сидела на подоконнике, вслушиваясь в свист вьюги, прижимаясь щекой к ледяному стеклу. Вспоминала свою любовь с первого дня, с первого слова, как будто такой отчаянной дотошностью можно было что-то исправить. Именно в эту ночь она потеряла имя. Незаметно, нечаянно забыла его – окончательно, необратимо.

Почти неделю после разрыва с Никитой она кое-как держалась, существовала кисейной барышней на кофе и халве, порхала по Малой Дмитровке сквозь снегопад. Но к полуночи восьмого дня всё-таки сорвалась, задумалась глубоко и основательно, вследствие чего оголодала до чёртиков и уже за полночь навернула два бутерброда с холодцом и горчицей. На тёмной кухне, под присмотром мерцающих в ночи фонарей и редких светящихся окон, присматривавших за ней как лисьи и волчьи глаза, ела она бутерброд и давилась слезами, всхлипывая и рыдая от предсказуемости всего случившегося.

В первый день весны она торопливо зашнуровала ботинки и поскорей отправилась на улицу. Ожидала, что кислинка наступившего марта вложит ей в душу немного тепла. Угрюмо ковыляла по щиколотку в весеннем месиве. Пропиталась тоской сугробов в чёрных кружевах и размякших окурках. Никакого обновления не случилось. Осталось только удивляться, как же обозлили её эта долгая зимняя размолвка, потеря имени, гибель любви и неизбежное расставание. Ум стал жестоким, пропитался язвительным ядом и превратил её за эту зиму в незнакомое чудовище, которое теперь месило стоптанными ботинками грязь ранней весны. От отчаянья и чтобы хоть как-нибудь утешиться, она занялась инвентаризацией окружающих отталкивающих существ, подсчётом монстров. Стоило только решиться, будто бы на её зов чудовища выползали из укрытий и предъявляли себя во всём своём грандиозном безобразии. Чудовище № 1 позвонило в дверь квартиры. Безымянная выглянула в глазок, спросила кто. В ответ ей предложили присоединиться к празднованию «годовщины смерти Иисуса Христа». Чудовища № 2 и № 3 запустили петарду в мусоропровод. Всю следующую неделю в подъезде пахло палёным и жареным, будто здесь располагался экстренный филиал ада. Чудовище № 4 исполняло роль многословного депутата на Первом канале центрального телевидения. Чудовище № 5 писало по скайпу чудовищу № 6: «Я тоскую, дружище. Я вспоминаю, какими мы были раньше. Мы летели. Мы были цветами. Теперь мы сломались, обросли иглами, уродующим панцирем, защитным вооружением вроде косых улыбочек, многозначительных усмешек и сарказма. Мне больно быть монстром. Я тоскую по нам прежним». К концу марта её список чудовищ перевалил за сто.

В начале лета сестра, неожиданно забыв обиды, пригласила за город, погостить в покосившемся, слеппленном из заплат доме прабабушки. Наверное, следовало сразу же отказаться. Или пространно пообещать, что заедет на выходных, ближе к августу. Но предстоящим летом потерявшая имя надеялась забыть или как-нибудь обмануть всё случившееся.

Она мечтала истощить или как-нибудь нечаянно утратить неподъёмный панцирь цинизма и насмешек, нажитый за зиму. Она мечтала превратиться из монстра обратно, в себя прежнюю. Она так хотела вспомнить своё имя и услышать, как кто-нибудь шепчет его: нежно, растроганно. Именно поэтому она сразу же согласилась.

Через несколько дней после переезда на дачу потерявшей имя впервые в жизни отказал мужчина. Это было так неожиданно и драматично, что она даже не смогла расплакаться. Она окаменела, чувствуя вот это – невыносимое, ртутное в самом центре груди. Как будто там внутри медленно расцветала пепельная роза – доказательство того, что смерть существует. Ведь потерявшая имя была уверена: всякий отказ, любая нескладная любовь – не что иное, как доказательство смерти, тайные зловещие знаки неминуемого исхода.

На этот раз смерть выдохнула ей прямо в лицо в полуночном саду. В тот вечер они с сестрой засиделись на террасе, старательно проговаривая все беды последнего года, словно надеясь таким образом выпроводить их вон из своей жизни. От сестры она нечаянно узнала, что освободилось место в коворкинге, на Цветном бульваре. Украдкой выбежав с телефоном в тёмный шумящий сад, потерявшая имя позвонила Никите, просто так, как будто лишь хотела поинтересоваться, не смогут ли они с осени работать там по очереди. На самом деле ей хотелось услышать его голос. Она надеялась на примирение, она ждала раскаянья. И на всякий случай была как никогда прозрачной, уступчивой, совсем домашней. А он неожиданно прохрипел из трубки неблагозвучное: «Хватит». И резко, грубо прорычал, что не надо больше звонить, что больше ничего никогда не будет между ними, ничего и никогда. Потому что они совсем не про друг друга. На следующее утро потерявшая имя проснулась на террасе, на жёстком диванчике, в скрипучем холоде июньского восхода, в злодейской нехорошей пустоте. Последующие несколько дней ртуть этого разговора отравляла её изнутри. Такое с ней приключилось впервые. И безымянная горевала, горевала бескрайне, так толком и не разобравшись, приснился ей этот разговор или произошёл на самом деле. Вполне возможно, Никита той ночью видел тот же самый сон. И во сне он умышленно отказал ей, окончательно расставив все точки, уничтожив любые обходные пути. С тех пор его номер всегда был недоступен. Это и было окончанием их любви.

Кое-как справившись со своей мимолётной смертью и неминуемым расставанием, потерявшая имя решила посвятить лето возвращению доброты. Она не знала, что надо делать, чтобы осуществить превращение из отравленного чудовища обратно. Она не представляла, как именно сбудется возврат утраченного. Зато она заранее придумала опознавательный знак: если доброта к ней всё же вернётся, если душа и ум снова наполнятся лёгким золотистым сиянием, этим летом она увидит махаона. В поле, распираемом от полуденного жара, когда каждая травинка просвечивает насквозь под пышущим солнцем июля, она увидит махаона, рассекающего крыльями разгорячённое небо. Он явится ей как парусник – мерцающий, играющий с ветром. Он будет искриться на фоне моря трав жёлтым и чёрным. Он будет мелькать на фоне облаков алым и синим. Он будет сама жизнь, все мечты, всё запоедое и невозможное.

В то лето, неторопливо гуляя с сестрой и трёхлетней племянницей Настенькой мимо чужих огородиков, теплиц и беседок, потерявшая имя смотрела во все глаза, ждала появления своего махаона и из-за этого горевала чуть меньше. В то лето она как никогда научилась видеть и замечать живое и мёртвое, тайное и явное, а подчас и вовсе не существующее: восемь белых коз, шествующих по тропинке понурым маршем, ястреба, скользящего над шоссе, умершую три года назад соседку-коровницу, белую колоколенку на том берегу ручья, трёх стариков из разных фильмов Кустурицы, собачий ошейник, обронённый посреди тро-

пинки, далёкие звуки аккордеона – на турбазе, за сосновым лесом. Но заветного махаона нигде не было.

В то лето потерявшая имя смотрела во все глаза, ждала появления своей бабочки, надеялась на возвращение утраченной доброты и привыкала ничему не удивляться. Однажды вечером её печали превратились в стаю воронов, которая несколько дней преследовала потерявшую имя то тут, то там, рассыпаясь по полям обрывками пепла, разлетаясь в вечернем небе чёрными кружевами. В четвёртый раз она заметила стаю на футбольном поле, в посёлке, куда ездила на велосипеде за хлебом и грушами для Настеньки.

По дороге назад, неторопливо крутя педали, чуть сжимаясь, когда мимо проносились шаткие грузовики, потерявшая имя размышляла о дрессировщиках чёрных птиц. Она давно знала: бывают такие особенные, кто умеет обращать свои страхи и гнев в чёрную тушь. Они не позволяют злости изменить себя, а умело превращают её в стежки вышивки, в узелки невесомого кружева. Ей бы тоже хотелось когда-нибудь стать дрессировщицей своих чёрных птиц: сжать грача разлуки в руках, со всей силы подбросить его в розовое закатное небо. Ей бы хотелось научиться превращать грусть и обиду в нерушимый порядок стежков. Но махаона и в тот день не было: ни над полем, ни возле заброшенных коровников, ни вдоль обочины разноликих дач и лоскутного одеяла огородиков.

В тот день человек в льняной кепке, сокрушённо топтавшийся возле заглохшего мотороллера, сипло попросил донести посылку. Туда, в посёлок, по указанному адресу. Судя по всему, это не дачи, а где-то в старой деревне, возле Барского сада. Квадратная коробка оказалась совсем невесомой. Поддразнивая, внутри как будто мерцал перламутровый шифон, одушевлённый, ждущий освобождения. Так показалось потерявшей имя, когда она нерешительно взяла посылку в руки. И всё же согласилась помочь почтальону. Из любопытства. А ещё ей не терпелось проверить интуицию. По дороге она строила самые разные догадки относительно содержимого. Так хотелось узнать, кто же окажется получателем – имени на квитанции не было. К тому же доставка посылки была маленьким происшествием однообразных дачных дней, которое можно будет рассказать сестре – вечером, в полумраке террасы, за круглым столом, между гаданием на картах, вином и сыром.

По дороге она твёрдо решила под любым предлогом напроситься в гости, удовлетворить разыгравшееся любопытство, узнать, что таится в посылке на самом деле. Она долго искала указанный адрес – на дачах, на улочках старой деревни, где дома пронумерованы как придётся. Был жаркий полдень, духота наводила на мысли о вечерней грозе. Почти никого не было на улочках, на лавочках, возле теплиц. Газонокосилки молчали. В тишине стрекотали кузнечики и дребезжал душный парной воздух. Потерявшая имя около часа бродила мимо нескончаемых заборов, калиток и ворот. Распаренная, она хотела пить, чувствовала головокружение. И умирала от любопытства. А потом неожиданно оказалась в этом странном доме.

Лиля

Возле шатра сухофруктов притормозила машина. Та самая. Чёрная, со змеиным блеском, неизвестной Лиле марки (она и в современных не очень-то разбиралась). В сумраке салона коричневое пламя – шевелюра мужчины за рулём. Лиля несколько раз видела его и раньше возле рынка. Остренькие усики, худощавое гибкое тело, брюки в мелкую английскую клеточку. У него как будто был привкус мускатного ореха, которым малолетний курильщик надеялся забить горчинку папирос, духоту полудня. Лиля, как всегда заворожённо, следила за передвижением в толпе жилета цвета клейкого тополиного листочка. И нечаянно порвала пакет.

Курага и урюк раскатились по асфальту, украсили лужицу возле ступенек рынка – оранжевые медальоны под ноги в сандалиях и босоножках. Лиля растерялась, но всё равно украдкой высматривала поверх голов коричневые вихры незнакомца. Подошёл плюшевый пони с мятым синим бантом в начесанной гриве. Неспешно обнюхивал, мягкими губами степенно подбирал курагу. Лиля присела на корточки, собрала горсть кураги и принялась угощать пони. Большой шершавый язык деликатно слизывал ягоды с её ладони. Потом, неожиданно, в полуметре от прижатой к асфальту Лилиной коленки возникли эти клоунские штиблеты и отутюженные брюки в чёрную и тёмно-зелёную клеточку. Кто-то остановился, кто-то рассматривал Лилю, сгорбленную на корточках, в синих лепестках платья.

Она медленно подняла голову, отметив тонкий ремешок брюк, онисовые пуговицы жилета, бледно-зелёную шёлковую косынку, заправленную под ворот рубашки. Быстро ухватив штрихи костюма, гадала, какого цвета глаза мужчины. Наверняка зелёные – ряска и бархат. На всякий случай, авансом, она улыбнулась – доброжелательно, отстранённо. Но под кустистыми бровями оказался объектив. Чёрный глаз бесстрастно уставился на Лилю. Белёсый паучий палец придавил кнопку, исцарапанную временем, суетой антикварного салона, прикосновениями множества рук, норовивших хоть мельком почувствовать слитную тяжесть немецкого фотоаппарата, которому не меньше века. Лиля, медальоны кураги, пони, в испуге сорвавшийся с места, – всё было поймано. Украдено. И стремительно упрятано в скрипучую проржавелую коробочку, как в ветхий чемоданчик перед отъездом на пароходе, в приморский город, счастья искать. Лиля сдержала негодование – ей-то казалось, что прежде, чем делать снимок, следует просить разрешения. Она сокрушённо провожала глазами плетущегося прочь пони, а незнакомец защёлкнул крышку на объективе и подал ей руку.

Он подобрал с асфальта сумку-корзинку, встряхнул и протянул Лиле со словами: «прозрачным барышням вроде вас нежелательно сидеть на дороге, под ногами всякого сброда». И кивнул головой на серо-синюю толпу взмысленных людей, что протискивалась внутрь крытого рынка, обмахиваясь кепками и газетами. На лицах от жары подтаял воск. Нетерпеливые толкались, налетали друг на друга, с возмущением покрикивали, чтобы Лиля убиралась с дороги.

Незнакомец с усиками обходительно взял её под локоть и увёл в тень сквера, под пыльную листву кленов и молодых яблонь. В руке недоверчивой Лили оказалась визитка на сером картоне. Наверняка постоянный посетитель антикварных салонов. Охотится на старинные фотоаппараты, выслеживает визитки прошлого века, жилеты и шейные платки, потом разыгрывает перед неловкими барышнями маленькие пьесы под открытым небом. Она покосилась на рубашку и штиблеты незнакомца – скорее всего, из лавки старьевщика или из костюмерной маленького театра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.